

Заводя речь о месте и значении языка в нашей жизни, о насущной необходимости сбережения его, нынче разве только ленивый не процитирует вступительных строк из Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Однако многие при этом, даже будучи литераторами и лингвистами, если имеют дело с пером или клавиатурой, не задумываясь, пишут «вначале» слитно, то есть как наречие. Между тем внимательные читатели евангельского текста не могли не заметить, что там «в начале» неизменно пишется раздельно, как сочетание имени существительного с предлогом. Вот и мне, грешному, давненько бросилась в глаза эта, казалось бы, мелкая деталь. Возможно, потому, что я когда-то преподавал русский язык в школе, и у меня выработалась автоматическая реакция на всякие грамматические «мелочи».

Кавычки в последнем слове не лишни, ибо за подобными «мелочами» частенько кроются очень даже большие смыслы. И наш случай именно такой. По крайней мере, в моём представлении. Помню, впервые обратив внимание на разноречивое написание «в начале» при цитировании кем-то евангельских строк, я решил ещё раз установить точное по первоисточнику. И нашёл в Евангелии надёжное подтверждение раздельному варианту. Притом не поленился заглянуть в разные издания Нового Завета, включая старинные. Благо, одно из таких попало мне в руки ещё в молодости и хранится у меня доньне. «Издание семьдесят первое», в тёмно-зелёном коленкоре, с осьмиконечным крестом золотого тиснения на обложке, увидевшее свет в 1913 году, в Санкт-Петербурге «по благословению Святейшаго Правительствующаго Синода». К тому же билингвистическое, иначе сказать, двуязычное, с текстами на церковно-славянском и русском. В нём особо многозначительными предстают первые слова в загадочной фразе апостола Иоанна, по-русски уже приведённой выше. Но она и по-славянски звучит примерно одинаково: «В начале бе Слово, и Слово бе к Богу, и Бог бе Слово» И, главное, в ней тоже «в начале» написано раздельно. Значит, истинный смысл её прекрасно понимали и святые, равноапостольные братья солунские Кирилл и Мефодий, создатели церковно-славянского языка, переводившие Евангелие с греческого...

Так выглядит эта фраза и во всех современных изданиях Евангелия, вплоть до каких-нибудь инославных — баптистских, иеговистских и прочих, кои нам упорно стремятся вручить сектантские миссионеры, даже порой обходя наши квартиры. Да она такова и не только в «божественных» книгах. В ходе работы над этими заметками я, на всякий случай, открыл вполне светский «правописательный» словарь-справочник «Слитно или раздельно?» и, к своему удовлетворению, обнару-

жил там точно такое же начертание «в начале», с примером в контексте, взятом именно из Евангелия от Иоанна.

Короче говоря, у меня было достаточно причин задуматься над тем, что сама конструкция этой фразы далеко не случайна. Она прямо и косвенно подчёркивает наличие в ней **существительного** со «смысловым» предлогом, а не «проходного» наречия. То есть «в начале» означает не просто «сначала» или «сперва», но равновелико понятиям «в основании», «в зарождении». А это ведь, согласитесь, большая разница.

И если в основании, в сотворении всего было Слово Божие, то тогда становится понятным всё таинственное вступление в Иоанново Евангелие: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ни что не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков...» И мы его должны сознавать и воспринимать не как этакую развёрнутую метафору, образец высокого иносказания, а буквально. Без всяких обиняков, прямо, недвусмысленно и безоговорочно. Мы должны уразуметь и «вместить», что «в начале» (в основании, в сотворении) всего-всего в мире и самого мира нашего было действительно не что иное, как Слово, посредством которого Творец и создал всё сущее. Да ведь оно так и утверждается в Библии; уже в Ветхом Завете, в первых же фразах первой главы Книги Бытия читаем: «В начале (раздельно! — *А.Щ.*) сотворил Бог небо и землю... И сказал Бог: да будет свет. И стал свет... Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою... И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему...» Надо полагать, по «образу и подобию» в Духе, ибо «Бог есть Дух», — сказал Иисус Христос женщине в Самарии у колодца.

Как ни толкуй, а выходит, что весь мир впрямь создан Словом, включая и нас с вами, двуногих прямоходящих существ, слабых и грешных, но наделённых чудесным даром речи, способной выражать движения нашего духа и разума. И мы единственные в этом мире, кто задумывается о своей природе и о природе всего сущего. В том числе и о сокровенном механизме, которым Бог управляет «живой жизнью» и наследственностью. Одним из величайших открытий в этом смысле представляется открытие генов, генома, которые посложнее самого бинома Ньютонова. Да, та мизерная цепочка клеточек телесных, которую можно разглядеть только под мощнейшими микроскопами, но в которой — о чудо! — записаны все качества будущего организма, вплоть до цвета глаз и формы ушей.

Однако пытливый человеческий ум идёт дальше. Нашим наследством, развитием управляют гены? Хорошо. Ну, а кто же управляет генами? И с помощью чего? Этим вопросом, в частности, задались учёные из лаборатории волновой генетики Института проблем управления РАН под руководством доктора биологических наук Петра Петровича Гаряева. Они взяли для опыта мёртвые зёрна пшеницы и ячменя, убитые радиацией, и попытались вернуть им всхожесть. Действовали различными средствами — тепловыми и световыми режимами, электричеством и магнитными волнами, даже звуковыми вибрациями — всё было бесполезно. И тогда учёные вспомнили о слове, которое, как известно, не только «лечит», но через которое, согласно Евангелию, вообще всё «начало быть... что начало быть». Они стали наговаривать тексты-«обращения» в микрофон, а прибор, моделирующий волновые шифры, приводил звуковые вибрации в радиоволны, которые воздействовали на семена. И что же? Более трети безжизненных зёрен дали всходы. Ожили! Воскресли!

Притом эти живительные наговоры испытателей звучали не только на русском языке, но и на других — немецком, французском, английском. И результат был примерно таким же. Этот эффект, можно сказать, на практике подтвердил правоту ряда наших и зарубежных учёных-лингвистов, ранее теоретически доказывавших, что у всех человеческих языков — общий корень, а их грамматики универсальны в своей основе.

Но! Надобно заметить, что повреждённые радиацией семена ничуть не хотели оживать, когда с ними говорили «тарабарщиной», вводили в их генетический аппарат бессмысленные словосочетания и звуки. Независимо от выбранного языка осмысленность речи оказалась ключевым моментом, необходимым для воскрешения семян. Естественно, перед учёными ребром встал вопрос «почему?». Чтобы приоткрыть завесу над этой тайной, биолог Пётр Гаряев призвал на помощь «технаря», кандидата технических наук Георгия Тертышного. И тот изготовил новый лазерный прибор, способный записывать информацию, которая хранится в «молекулах жизни», и воспроизводить.

К сожалению, мне, далёкому от секретов генетики и физики, не передать всех сложных манипуляций, проведённых исследователями с магнитными волнами, фотонами и прочими тонкими материями, я могу выразить лишь примерный смысл их открытия. А он заключается в том, что радиозвуки, рождённые в ДНК, и радиоволны человеческой речи оказались сходными. Совпало свыше трети их волновых характеристик. Пусть не «все сто», но и этого вполне достаточно, чтобы понять причину животворной силы человеческой речи. Её характеристики заложены в молекулах наследственности. «Заложены кем?» — спросите вы. Логичный ответ может быть только один: Тем, кто сотворил и ДНК, и человека, притом с помощью Слова, о чём написано в первых строках Библии, а ещё прямее сказано в Евангелии от Иоанна, с цитат из которого мы начали эти заметки.

Между прочим, невольно придя к такому же выводу, Пётр Гаряев и его сотрудники испытали поистине «страх Божий», поскольку если не проникли в сокровенную тайну Творца всего сущего, то приблизились к ней. И все они, дотоле бывшие стихийными атеистами либо «сомневающимися», искренне поверили в Бога Единого и незамедлительно воцерковились. Особенно же усердными богомольцами стали после того, как с помощью найденного «ключа наследственности» добились получения ряда невероятных гибридов, вроде волнового гибрида курицы и... картофеля (птицы и растения!), с плодами в виде «мохнатых клубней». Это лишний раз убеждало, что Бог посредством универсального Слова создал не только человека, но и всю живую природу. Воистину, «все чрез Него начало быть...»

Можно лишь дивиться тому, какие глубины открываются за, казалось бы, такой мелкой деталью текста, как раздельное написание словосочетания «в начале», со значением «в основании», «в сотворении». И, пожалуй, верно считает тот же биолог Гаряев, что все мы с вами вольно или невольно подражаем Творцу, когда произносим осмысленную речь. Становясь «материальной силой», она, в зависимости от содержания, может вызывать как благотворные, так и разрушительные действия. А потому будем помнить, что не следует бездумно и небрежно обращаться со Словом, да и вообще разбрасываться словами, ибо «во многоглаголании несть спасения». Не заикаюсь уж о таких непотребных вещах, как злословие и сквернословие.

Не зря людей, склонных к ним, на Руси издревле называют черноротыми. Сказано же: «Не то, что входит в уста, оскверняет человека, но то, что выходит из уст,

оскверняет человека». Или ещё: «От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься».

Что говорить, слова ныне девальвируются, как рубли. Тёмные силы неустанно работают на их понижение. Но, слава Богу, зреют и крепнут силы, противостоящие этому злу. Приятно сознавать причастность к ним и нашей сибирской глубинки. Скажем, иркутяне двадцать с лишним лет подряд проводят знаменитые Дни духовности и культуры «Сияние России», где главенствует Слово; мои земляки, красноярские «русладовцы», не забывают 6 июня, в день рождения Пушкина, чья Муза «веленью Божию послушна», отмечать День русского языка; в тюменском Ишиме, на родине великого сказочника, ярко празднуют «Ершовские дни», приурочивая их к Дням славянской письменности... Так что, ещё не вечер — «сим победиши».

Светлые знаки России

Минувшей осенью в очередной раз навестил родное Таскино, что на самом юге Красноярского края, под Саянами. И, конечно, сходил на сельское кладбище. На нашенское, староверское, где похоронены мои родители и сёстры, оставившие этот бранный мир. Кладбищенская роща встретила, как обычно, той, по-особому глубокой и отстранённой тишиной, которую не нарушают, а вроде даже подчёркивают птичий посвист и шорох ветра в макушках деревьев, треск хворостинок под ногами и звон комаров над головой. Роща — сплошь берёзовая (подсаженные вербы, рябинки у иных могилки не в счёт), вековая, но почти без подлеска, лишь с печальной порослью осьмиконечных крестов. Берёзы прямые, одна к одной, изголуба-белые, точно облитые извёсткой, уходящие в самое небо световыми столбами...

И вот когда погружался я в белоствольную колоннаду, то поймал себя на том, что повторяю в уме светло-печальные строки поэта-иеромонаха Романа, которые, слившись с органичной мелодией, стали ныне известным романсом: «За родником белый храм, кладбище старое. Этот забытый край Русь нам оставила...» Никакого храма передо мною не было, но всё же он незримо присутствовал здесь. В молчаливом хоре, в тихом молитвенном стоянии белесых берёз, в лазурных просветах меж ними. И невольно подумалось, что особая любовь русских людей к берёзам, тоже нередко называемым русскими, должно быть, как-то внутренне связана с нашим поклонением православным, преимущественно белым, церквям и часовенкам с их колокольнями и куполами. Берёзы ведь явно похожи на них — и своей белизной, словно бы свидетельствующей об их природной чистоте и непорочности, и устремлённостью в горние выси, и, летом, зеленью округлых крон, напоминающих шатровые церковные покрытия, а осенью, «в багрец и золото одетые» — позлащённые купола. Не говорю уж о берёзах зимних, заснеженных, заиндевевших, и о ранневесенних, будто светящихся изнутри...

Возможно, именно этим объясняется неизменно возвышенный, почти молитвенный настрой, с которым испокон обращаются к берёзам наши поэты. Примеров тому не занимать. Любой навскидку приведёт их дюжину: от, положим, лермонтовской «среди желтой нивы четы белеющих берез» до есенинской «страны берёзового ситца» или до рубцовского радостного признания: «Русь моя, люблю твои берёзы!» и скорбного пророчества: «Я умру, когда трещат берёзы...»

Да и не обязательно взывать к именам великих и выдающихся. У каждого самого скромного стихотворца, русского сердцем, найдутся за душою строки с поклонном нашей берёзе. Есть они, конечно, и у автора этих заметок. Вот хотя бы такие:

*Брошу всё и уйду на заре
В лес тишайший, седой от мороза,
И под тоненький звон снегурей
Помолюсь белокорым берёзам.
А кого ещё боготворить,
На кого возлагать нам надежды?*

*Если начистоту говорить,
Лишь они нынче в белых одеждах.
Помолюсь за собратьев своих,
Что попали в объятия бесов,
И помимо стяжанья у них
Не осталось других интересов.*

*И за всю оскудевшую Русь,
За бездольных её ребятишек
Помолюсь, ибо очень боюсь —
Не видать им ни книжсек, ни пышек.*

*Да минует их рабский хомут,
Да минуют сиротские слёзы...
Помолюсь — и берёзы поймут,
И помогут святые берёзы...*

Или давние-давние, из юношеских тетрадей:

*Качаясь, к берегу причалил
Мой дощаник.
Пришёл тревожный и печальный
Час прощанья.
Прощайте, милые берёзы,
В далих синих
Пусть ваши светятся берёсты
Негасимо.*

*Горят столбы дневного света,
Так прозрачны,
Вдоль троп, где я бродил всё лето,
Ждал удачи.
Мне ничего не надо боле
В мире этом —
Свети, берёза, в русском поле
Вечным светом!*

К месту будет сказать, что как раз на том деревенском кладбище, у материнской могилы, во мне сложились «опорные» строки из самого свежего «берёзового» стихотворения: «Чёрный крест, домокованный, грубый, и берёза — как свет в небеса...» Думается, они были исподволь навеяны образом храма, непременно всплывающим в православном сознании возле родных пепелищ. И цепочка ассоциаций здесь вполне понятна: подобно белым берёзам, как уже замечено, светлые церкви наши устремлены в горнюю синеву, в иные пределы своими колокольнями и маковками, впрямь «как свет в небеса»...

И вполне правомерно предположить, что именно с «подачи» поэтов разных времён и рангов берёза стала, по сути, символом нашей России.

Хотя вообще-то, если заглянуть в глубь отечественной истории, исконным знаком Руси выступал, скорее, дуб. Отчасти потому, что был он весьма распространённым «древом» на русском пространстве и типичным для его пейзажа, но главным образом потому, что наиболее точно отражал характер (менталитет, говоря по-нынешнему) русского человека, известного своей крепостью, «остойчивостью», укоренённостью в отчей земле и редким сочетанием вольности с долготерпением. Предки наши поклонялись верховному богу Перуну и земному воплощению его — дубу. И не случайно именно дуб из древесного семейства избрал мудрый Пушкин в магическом зачине своей поэмы, полной отголосков русской старины: «У лукоморья дуб зеленый...» А сколько поныне живёт в народе песен, загадок, пословиц и поговорок, замешанных на дубах и дубравах! Не перечсть. «Как бы мне, рябине, к дубу перебраться...», «ела, ела дуб, дуб, поломала зуб, зуб», «держись за дубок, дубок в землю глубок», «и мал дуб, да здоров», «черепком напыюсь, дубиной отобьюсь»... и т. д. до бесконечности.

Возвышение берёзы над дубом началось, надо полагать, с Крещения Руси, ставшей, после утверждения в ней неповреждённой веры христианской в ипостаси своеобразного Русского Православия, «уделом Богоматери»; с появления на её просторах тысяч церквей, белых, «космостремительных», «берёзообразных», наподобие знаменитой церкви Покрова на Нерли. Ну, и, конечно, со всеобщего упования народного на то, что Русь Православная находится под особом покровительством (покровом) Пресвятой Девы Марии. В ней воплощённое женское, материнское начало просвечивает не только в образе самой России-матушки, но и в облике нашей кудрявой берёзки, в её белых, пречистых одеждах, в её изяществе и женственности, в мягкости, незлобivosti, но и твёрдости, верности её нрава, к примеру, запечатлённого в пословице: «Берёза не угроза, где стоит, там и шумит».

Ну, а ежели опуститься с поднебесных высот на грешную землю, шагнуть из бытия в житейский быт и обиход, то, оглянувшись, нельзя не заметить, что народ давно нашёл разрешение «противоречий» между берёзою и дубом — во взаимной дополняемости и «гармонизации» их лучших качеств. Скажем, в типичной русской избе двери, пол, матица, которым требовалась особая крепость и плотность, обычно были дубовыми, а, положим, гибкий оцеп (жердинка под потолком, на конце которой подвешивалась детская зыбка) — чаще берёзовым. Как и черенки разных хозяйкиных «помощников» при русской печи — ухватов, лопат, сковородников. Как и — дрова наилучшие, под чудесной белой берёстой, легко загорающие и жарко пылающие с голубыми струйками дыма, что так тонко и приятно отдают камфарой и скипидаром. Ну, а, допустим, любителям попариться в русской баньке доподлинно известно, что самые превосходные веники, дарующие здоровье, очищение и просветление, — берёзовые и дубовые.

И даже здесь видится некое внутреннее единение двух знаковых деревьев нашей Руси, сочетающих свет духовный с крепостью телесною. Хотя родовая, исходная суть остаётся при них...

А, кстати, знаете ли вы, как в былые времена отвечали свахам о результате «торга»? В случае согласия: «Берёза!», в случае отказа: «Дуб»...

Персты боярыни Морозовой

Руки твои тонкокожны, очи твои молниеносны...

протопоп Аввакум

Напомним, что в пушкинской фразе «мы ленивы и не любопытны», которую так любят ныне приводить к месту и не к месту, имеется в виду «нелюбопытство», чтобы не сказать равнодушие, к отечественной истории.

И здесь поэту трудно отказать в правоте не только по отношению к своим современникам. Достаточно обернуться хотя бы на наше с вами школьное образование. Мы совершенно точно с младых ногтей, как говорится, куда подробнее учили и глубже знали историю Древней Греции, Древнего Рима и европейского Средневековья, чем родную — древнерусскую, да и дальнейшую — российскую, царскую, советскую...

И если заглянуть в нашу художественную литературу, даже в её Золотой и Серебряный века, то мы найдём там довольно скромный перечень эпоей, романов,

повестей, написанных на собственном историческом материале. По крайней мере, значительно меньший, чем, положим, в литературе английской или французской. Как ни грустно сознавать, у нас не доставало популярных авторов вроде плодовитого Вальтера Скотта или дерзкого Александра Дюма, говорившего, что для него «история — это гвоздь», на который он «вешает свои романы». И хотя в советские, в постсоветские времена наблюдались попытки исправить такое положение, число исторических авторов и произведений заметно возросло, однако ещё столько осталось важных, знаковых событий, не тронутых писательским пером, столько ярких личностей, не отражённых в литературе. И остаётся по сию пору...

Мне вот, к примеру, частенько приходит на ум Феодосия Прокопьевна Морозова. Будь подобная персона в истории той же Франции, Англии либо Италии, о ней бы давно написали гору книг в стихах и прозе, не говоря уже о череде поставленных опер и балетов. У нас же редко кто прикоснулся к её образу, и в народе она известна во многом лишь благодаря картине нашего великого живописца Василия Сурикова «Боярыня Морозова» в центре с неистовой страстотерпицей, вознёсшей двуперстие...

Между тем эта трагическая фигура, что называется, сама просится не только на полотно, но и в книгу, и на сцену, и на экран, да и на постамент — в бронзе и мраморе. Вы только задумайтесь над этой невероятной судьбой, над этим характером с чисто русскими «крайностями» — от широты и вольности до гордого терпения и кроткого смирения. До полной самоотрешённости ради избранного раз и навсегда духовного идеала — Христа Живаго и неколебимой веры в Него.

Послушайте, что пишет один из старинных авторов о ней — родовой боярыне и первой красавице-богачке на Руси в свои времена: «Окруженная роскошью, она выезжала в расписной карете, запряженной 12-ю арабскими конями с серебряными цепями. В доме ее было не менее 300 слуг, а крестьян насчитывалось до 8 тысяч. К ней сваталось множество самых знатных в России женихов...»

Но вот наступает полоса испытаний в её жизни. И что же? Эта дама из высшего света, эта барыня-боярыня, когда мятущийся патриарх Никон замахнулся на некоторые догматы исконно русского Православия, решив его «подреформировать», подтянуть к новым веяниям в мировом христианстве, вдруг обнаруживает в себе ревностную преданность древнему благочестию. Она отвергает все новшества Никона и, вместе с огненным протопопом Аввакумом, идёт на прямое противостояние им. Идёт в раскол.

Так, по крайней мере, трактуются эти драматические события XVII века в нашей истории, хотя, по существу, раскольниками-то явились скорее Никон и его послушные «никониане», отступившие от отеческой традиции. На боярыню Морозову, как и на Аввакума Петрова, со стороны тогдашних «обновленцев» церкви обрушиваются все мыслимые и немыслимые гонения, давления и преследования. И эта первая богачка Русского царства, выросшая в роскоши и неге, мужественно переносит их, оставаясь глубоко преданной «неповреждённой» вере отцов и завещанному ими обряду. Кандалы, застенки, дыбы, ямы, не говоря уже о лишении всех боярских имений и привилегий, — всё претерпевает она воистину стоически, с непостижимой отвагой и жертвенностью.

Наконец, гонители пытаются запугать её угрозой такого страшного испытания, как позорная казнь на её глазах любимого сына Ивана. По сути дела, рабу Божию Феодосию ставят перед выбором — сын или Христос, в староверском Его исповедании. И она, ни минуты не колеблясь, выбирает «своего» Христа, Его путь

и заветы. Вот что, по свидетельству современников, говорит она своим истязателям, недавним единоверцам: «Ивана я люблю и молю о нём Бога беспрестанно. Но Христа люблю более сына... Знайте, ежели вы умышляете сыном меня отвлекать от Христова пути, прямо вам скажу: выводите сына моего на лобное место, отдайте его на растерзание псам, — не помыслию отступить от благочестия, хотя бы и видела красоту, псами растерзанную...»

Описывая последние часы боярыни Морозовой в Боровском остроге, в мрачной, холодной яме (была поздняя осень 1672 года), протопоп Аввакум приводит трогательную деталь, достойную целой повести. Он замечает, что боярыня попросила одного из сторожей тайком взять и вымыть в реке её до крайности загрязнившуюся сорочку, чтобы перед смертью надеть чистую. Сторож, оказавшийся сострадательным человеком, исполнил эту просьбу.

Тело Феодосии Прокопьевны завернули в рогожку и погребли рядом с княгиней Евдокией Урусовой, её сестрой, умершей ранее в той же яме от холода и голода.

Вот как стояли в вере православной, как пеклись о чистоте душевной и телесной наши благочестивые предки! Вот что нужно бы проповедовать в нынешних школах и вузах, вместо пресловутой «толерантности» в мировоззрении, «вариативности» в трактовании событий истории и всяческого «секспросвета» насчёт свободы в отношениях полов.

Между прочим, если отойти от духовно-нравственной сферы и обратиться к сфере идеологической, социальной, то можно заключить, что одной из главных причин развала нашей Державы было падение числа носителей и защитников социалистических идей — народовластия, равенства и братства — до уровня «критической массы». И ниже её. В обществе образовался явный недостаток людей, силою духа равных боярыне Морозовой, протопопу Аввакуму и их младшим советским сестрам и братьям по вере в высшую справедливость (как они её понимали), наподобие Зои Космодемьянской или Саши Матросова. Слишком много «толерантных» и «плюралистических» мещан вырастили мы в том обществе и его авангарде — «ведущей и направляющей» партии.

Помнится, когда, уже во время смуты и разрухи Державы, журналисты спросили замечательного философа и социолога Александра Зиновьева, смогут ли нынешние коммунисты, социалисты вернуть власть в России, он ответил примерно так: «Смогут... Если среди них найдётся достаточно людей, готовых умереть за свои идеалы добра и справедливости». Как это, добавим мы, отчасти было в до-революционные и в «молодые» советские времена. Особенно — в пору военного лихолетья, в годы яростных сражений с коричневой нечистью «до последнего патрона». Ведь те советские люди, формально безбожные, тоже шли до конца «по пути Христа», в широком смысле слова, ибо они шли за торжество правды и справедливости, и не из личной корысти, а ради общего мира и счастья, «ради жизни на земле».

Иные, пожалуй, заметят мне: а что, мол, пользы из того стоического сопротивления ревнителей древнего благочестия, если всё кончилось их разгромом, ссылками, заточениями, кострами и торжеством сомнительных обновленцев? Да и во втором случае жертвы героических защитников советского строя, чаемого общества социальной справедливости, оказались напрасными, ибо победила в конце концов социально несправедливая, но красочно размалёванная либеральная демократия.

Что до подвижников староверия, то я отвечаю: «Не скажите!» Их упорное стояние в отческой церковной традиции пусть через столетия, но все же получило признание. В начале минувшего века официально были отменены преследования старообрядцев, а позднее признаны равно благодатными богослужения по древлеправославному чину. И теперь, насколько мне известно, во многих храмах Русской Православной Церкви, в частности, подмосковных, наряду с обычными ведутся службы по старому обряду. Давно бы так-то...

Ну, а насчёт социализма, коммунизма... Конечно, отход от идей общественной собственности, коллективных форм труда и «человечьего общежития» налицо. Да и ряды их нынешних защитников, прямо скажем, пока не изобилуют фигурами, подобными «виртуальному» Павке Корчагину или реальному Дмитрию Карбышеву, белому генералу, ставшему красным страстотерпцем. Но, как говорится, «ещё не вечер». Вечная народная жажда социальной справедливости и солидарности никуда не исчезала. Серьёзные социологи, политологи отмечают на фоне массового разочарования в рыночной демократии явное «полевение» настроений в мире, включая наше царство-государство. А значит, появятся и новые борцы «за освобождение человечества», сильные духом.

Впрочем, это уже другая история. Мне же хотелось только напомнить о сонме достойных отражения в литературе, в искусстве лиц и ликов из той родной истории, какую, по слову Пушкину, «её нам Бог дал». И прежде всего, конечно, натур цельных, прямодушных, бескомпромиссных... Истинно русских.

Всё рубашки поправляем...

Среди многочисленных воспоминаний о Василии Сурикове заметно выделяются те, которые оставил поэт Максимилиан Волошин. Кто их читал, помнит, что они написаны от лица самого «героя», то есть в форме монолога великого художника, притом с уважительным и бережным сохранением особенностей его речи. А речь Василия Ивановича была весьма оригинальной: немногословной, почти «телеграфной», однако образной и колоритной. Хочется сказать, по-сибирски колоритной, как и сама тогдашняя сибирская действительность, во многом сформировавшая будущего исторического живописца мирового масштаба.

Ведь подумать только, Суриков, родившийся в середине XIX века, успел «захватить» времена публичных казней, бытовавших в нашем Красноярске. Он вспоминает, к примеру, как при большом стечении любопытствующих обывателей казнили некоего ссыльнокаторжного поляка Флерковского за то, что «он во время переклички ножом офицера пырнул». «Мы, мальчишки, — подробно запомнил впечатлительный казачонок Вася, — за телегой бежали. Его далеко за город везли. Он бледный вышел. Всё кричал: «Делайте то же, что я сделал!» Рубашку поправил. Ему умирать, а он рубашку поправляет. У меня прямо земля под ногами поплыла, как залп дали...»

Так вот, когда я впервые читал эти воспоминания, у меня «земля под ногами поплыла» ещё прежде того, «как залп дали», а именно — на словах рассказчика: «Ему умирать, а он рубашку поправляет». Настолько это по-человечески горько, по-художнически наглядно и по-философски глубоко, многозначно подмечено и сказано Суриковым, что вот уже более полувека преследует меня эта фраза! Всякий раз произвольно всплывает в памяти при мыслях о суете сует, в которой мы

живём, забывая, что смертны и временны на сей земле. Приходит на ум в минуты озарения, когда вдруг осознаешь, что все мы то и дело, подобно тому несчастному ссыльному каторжанину, «рубашки поправляем». Протвоестественно, глупо, и в самые, казалось бы, неподходящие моменты. Не в смысле — «охорашиваемся», а в смысле — совершаем бездумные поступки, творим абсолютно ненужные и пустые дела с таким видом, будто мы вечны и бесконечны в этом мире и все ничтожные по сути занятия, стремления и условности, принятые «здесь», должны иметь для нас какое-то значение.

Хотя, пожалуй, правы те, кто утверждает, что далеко не все думают и поступают так. Приходилось читать у философов, у глубоко мыслящих писателей (скажем, у Ивана Бунина), что людей вообще можно разделить на две категории. На тех, кто живёт, не думая о смерти, как трава, деревья или «братья наши меньшие» — зверьё, с чувством вечности своей (а таких большинство!), и на тех, кто словно бы рождён «под знаком смерти», кто постоянно помнит, думает о ней и ясно осознаёт свою неизбежную «конечность».

Известное лагинское выражение «memento mori» (помни о смерти!) для них не просто крылатая фраза, а глубинное внутреннее ощущение. Оно им, разумеется, в немалой степени отравляет иные, так называемые «радости жизни», но в то же время и спасает их от множества соблазнов, удерживает от дурных поступков, смиряет страсти и таким образом помогает оставаться людьми и даёт силы двигаться к единственно стоящей цели жизни — к спасению души, к «освобождению» от смерти.

О, если бы все люди рождались под «знаком смерти» и постоянно держали в уме эту древнюю заповедь! Они были бы совершенно другими, да и вся жизнь наша на этом свете была бы совершенно другой. Более справедливой и светлой, очищенной как от мелочных споров-раздоров между индивидами из-за какого-нибудь косога взгляда, неосторожного слова или «забытого» обещания, так и от тяжких общественных распрей, рождаемых массовыми пороками, вроде любостыжания, гордыни, эгоизма.

К месту будет напомнить, что выражение «memento mori», ставшее идиомой, пришло из Древнего Рима, где оно произносилось во время триумфального шествия полководцев, возвращавшихся с победой. При этом за спиной триумфатора ставили раба, который постоянно напоминал ему, что он, несмотря на нынешние торжества и почести, остаётся смертным человеком. Со всеми вытекающими, как говорится. А позднее, в XVII веке, «напоминание» древних стало приветствием, которым при встрече обменивались монахи ордена траппистов, дабы не впасть в соблазны мира сего.

Хотя, понятное дело, «в миру» такое «пожелание» трудновыполнимо для большинства людей, и они продолжают «поправлять рубашки», остаются в плену самых нелепых обычаев и привычек. Наподобие подмеченной зорким глазом юного Сурикова: «Ему умирать, а он рубашку...» По крайней мере, мне это бросается в глаза постоянно.

Положим, выходя из дому, в очередной раз обнаруживаю полумрак в подъезде и невольно думаю: опять какой-то пакостник погасил светильники, вывернув лампочки. Не то из копейной корысти, не то из мелкой мести кому-то, а, скорее, просто из дурости и куража, дабы потешить свою тёмную душонку сотворённой гадостью людям. Ну, разве стал бы он делать это, опускаться до подобной низости, если бы помнил о собственной смерти?

Иду далее через сквер (имени Сурикова, между прочим) и вижу стайку подростков, облепивших сдвинутые в круг скамейки. Они курят, грязно матерятся, что-то тянут из бутылок, запрокидывая почему-то (по моде?) лысые, точно облезлые, головы. Одеты минимально и словно в униформу: болтающиеся шорты до колен (похожие в наше время иронично именовали «семейными трусами»), майки до пупов, шлёпанцы. Явно красуются один перед другим. И уж, конечно, не задумываются о неизбежном жизненном финале.

Захожу в книжный магазин, расположенный неподалёку. С ближних полок бьют по глазам «лидеры продаж» в ядовито-ярких обложках: «Убийство по заказу», «Дура с двумя высшими желает познакомиться», «Секс в большой политике». Далее — примерно в том же духе. Первая мысль: и ведь «крутые» авторы их не стыдятся выставлять имена свои над такими заголовками! Хотя наверняка осознают, что выпустили в свет не просто пошлые, но зловердные, даже разрушительные «изделия». Зачем, если эти авторы, как и все люди, — смертны? Поневоле снова вспомнишь умного отрока Васю: «Им помирать, а они...» Да и о читателях подобных книг подумаешь то же...

Или просто шагаю по городской улице, на которой всегда полно народу, в основном — молодого и, кажется, праздного. К этому заключению склоняют не столько сами эти прогулочные шатания среди бела дня, сколько обрывки разговоров, долетающих до моих ушей. Острое всего, конечно, режут слух те же пошлости и матерки, избыточные в них, но не менее удручает и явное «мелкотемье». Похоже, сии «хомо сапиенсы» никогда не задумывались о «бренности земного бытия», не переживали своего «арзамасского ужаса» или хотя бы подобия его, очнувшись вдруг «от сна жизни»...

Да-да, казалось бы, мимолётное замечание зоркого Сурикова о неуместно поправляемой рубашке обречённым на смерть бедолагой, по-моему, вполне сопоставимо с пронзительным определением Львом Толстым того ужасного чувства, однажды пережитого им, которое перевернуло его душу и всю последующую жизнь.

Напомню, что Лев Николаевич в сентябре 1869 года (ему чуть за сорок, он в расцвете сил, богат, счастливо женат, окружён детьми, только что закончил «Войну и мир», стяжав широкую писательскую славу и выручив солидные деньги) надумал купить поместье в Пензенской губернии по выгодной цене и поехал туда со своим слугой Сергеем Арбузовым. До Нижнего Новгорода они добрались поездом, а далее поколесили в повозке. Ехали весело, много шутили. Прибыв за полночь в Арзамас, решили переночевать в тамошней гостинице. Гостиничный служитель со «зловещим» родимым пятном на щеке отвёл Толстому квадратную комнатку с белыми стенами и тёмной дверью «цвета запёкшейся крови». Помещение показалась ему тесным, душным, неприятным, но он всё же заснул, устав с дороги. Однако вскоре проснулся. Резко, внезапно. С острым чувством тоски и ужаса. «Беспричинный, животный, глубинный» страх, объявший его, усугублялся ощущением тесноты, темнотой вокруг и запахом погашенных свечей, вызывая мрачные ассоциации. Толстой упал на колени, стал горячо молиться, но ужас и тоска не отступали. Чтоб освободиться, «убежать» от них, он растолкал слугу и велел (ночью!) закладывать лошадей. Позднее о пережитом написал так: «Да что это за глупость? — сказал я себе. — Чего я тоскую, чего боюсь?». — «Меня, — неслышно отвечал голос смерти. — Я тут». Мороз подрал меня по коже. Да, смерти. Она придёт, она вот она, а её не должно быть...»

В те минуты Толстому, по его словам, показались бессмысленными и ничтож-

ными все его заботы — покупка имения, семья, писательство: «Зачем я сюда заехал? Куда везу себя?... Ни пензенское, ни какое имение ничего не прибавит и не убавит мне...»

Как известно, того «выгодного» имения Лев Николаевич не купил и домой вернулся совершенно другим человеком. Он отказался от гонораров за свои новые произведения, от «роскоши» в быту, в одежде, «опростился», стал больше прежнего трудиться руками, «обслуживая сам себя» и помогая другим, открыл школу для крестьянских ребятишек...

Вот если бы наши нынешние «графья»-олигархи, чиновные и думные «дьяки», наши художники слова, кисти и сцены были способны внезапно проснуться однажды и пережить личный «арзамасский ужас»! Или хотя бы удивиться, как чуткий душою Вася Суриков: «Ему умирать, а он рубашку поправляет». Разве стали бы они жадно присваивать общественные богатства, набивать карманы «зеленью» за счёт миллионов доверчивых собратьев, живущих впроголодь; принимать законы и устанавливая порядки, обирающие и унижающие трудовой народ, создавать книги, полотна, фильмы, спектакли, духовно оскоряющие его? Но в том-то и дело, что в большинстве своём они, похоже, рождены под другим «знаком». Они искренне убеждены, что навсегда пришли на этот «шарик» и будут вечно пребывать на нём, теща свою утробу и холя обожаемую плоть... Впрочем, многие из них скорее всё же догадываются о мирской «суете сует и томлении духа», но продолжают делать вид непосвящённых. Я даже когда-то написал об этом строки, которыми и закончу размышления на столь печальную тему:

*Живёшь, испытывая страх,
Томясь тревогой в «зоне риска»...
Она придёт. Она уж близко.
Как говорится, при дверях.
Вам всё на свете трын-трава?
Но, гражданин, снимите маску!
Мне виден «ужас арзамасский»
Сквозь ваши жесты и слова.*

Виден, как бы вы ни «поправляли рубашки», маскируя его. А на истинный путь спасения от «ужаса» указывает нам Господь, призывая брать крест свой и следовать за Ним. То есть искоренять пороки и грехи, начиная со смертных — гордыни, алчности, лени, уныния...